

СМЕНА

Еще недавно его причисляли к молодым писателям. А сегодня... Но к этому он шел долго. Нет, он не метался по свету, не менял работу в поисках жизненных впечатлений. Он вообще поначалу не помышлял писать. Школу окончил с золотой, сомнений в выборе профессии не было, диплом Политехнического получил с отличием. Но уже на студенческой скамье стал зачитываться стихами — ведь шли бурные 60-е годы. Участь в аспирантуре, кажется, больше занимался литературным самообразованием: знаний не хватало, но было главное — умение видеть мир собственными глазами, осмысливать его собственной головой. Работая младшим научным сотрудником, продолжал сочинять стихи, писал в стенгазету рассказы, фельетоны, занимался в ЛИТО.

Когда в 1976 году вышел первый поэтический сборник инженера-электrofизика Александра Житинского, автор был уже всецело захвачен прозой. В печати публиковались его «студенческие» повести «Сено-солома», «Глагол инженер»... Первая книга «Голоса» вышла шесть лет назад, а в прошлом году Лениздат выпустил вторую книгу прозы писателя «От первого лица». Кажется, вся его неповторимая индивидуальность, характер, вся человеческая сущность прорастают из страниц его повестей «Эффект Брумма», «Арсик», «Страсти по Прометею», «Снюсь», «Хеопс и Нефертити», «Лестница»...

жи. Ведь, что греха таить, и новинки музыкальной эстрады, и многие модные вещи приходят к нам из-за рубежа. Смотришь на молодого человека или девушку сплошь в «фирменных» наклейках, и по виду подчас не догадаться — из Праги они, из Лондона или из Вологды? А ведь при этом нравственный иммунитет должен быть, душа, сердце, совесть должны остаться русскими, советскими — всеобщая нивелировка здесь не подходит.

Я вспоминаю один из концертов рок-музыки, на котором вторым отделением выступал ансамбль «Яблоко». Заучали почти необработанные русские мелодии, песни, собранные самими музыкантами, — мне кажется, было очень интересно. А у семнад-

чинах огромного интереса молодежи к поп-музыке.

А потом посыпались читательские письма, и не скажу, что все они были одобрительными. Некоторые прямо писали: ваше время, дескать, прошло, у вас были свои танцы, у нас свои, и не трогайте нас. Так я понял, что коснулся очень важной и больной темы, и решил продолжить свое исследование. В одном из следующих номеров «Авроры» должна появиться четвертая глава «Записок», а сейчас я работаю над пятой и обзором писем.

Надо сказать, многое из того, что я увидел и услышал, мне понравилось, но кое-что и нет. Думаю, что серьезная рок-музыка ничуть не уступает ни лучшим проявлениям

Не могу забыть, как на одной дискотеке три симпатичные девушки, окончившие школу в Ленинграде, мучительно пытались вспомнить, кто же написал «Ревизора». Так же безуспешно они пробовали назвать автора «Пора, мой друг, пора...».

А во-вторых, интерес к эстрадным кумирам подчас больше сосредоточен не на музыке, а на подробностях частной жизни. Все это, как вы понимаете, обидно, потому что глубокое, умное увлечение современной музыкой может стать ключом к открытию других видов искусства и литературы. Хочу, чтобы меня поняли правильно: я не против дискотек, а против дискотечного отношения к жизни. Видимо, мы все должны помочь молодым понять, что к чему, научиться отличать пошлость, безвкусицу...

— К сожалению, когда речь заходит о современной, молодежной музыке, чаще приходится сталкиваться с раздражением взрослых — «все у них есть, вот и бесится с жиру, мы были не такими» или с равнодушно-снижательным отношением...

— Ошибка, на мой взгляд, заключается в том, что линию раздела проводят в этом случае между поколениями, между молодыми и немолодыми, считая, что одни — пижоны и бездельники, а другие — труженики. Между тем линия раздела всегда проходила и проходит между честными и бесчестными, добрыми и злыми, порядочными и не порядочными, талантливыми и бездарными — во всех поколениях. Что же касается собственно рок-музыки, то пусть она будет хорошей и непродвинутой, пусть она находит отклик в душах. Хотелось бы, чтобы и в наших тоже, ибо не бывает искусства, для восприятия которого надо быть непременно молодым либо старым. Молодые или немолодые, но мы все живем в одном обществе. Поэтому обособляться в своем признании или непризнании музыки, характера, нравственных основ того или иного поколения, я думаю, просто неконструктивно.

— Я слышала, что вы сейчас работаете над сценарием музыкального фильма?

— Музыкальный он только номинально, хотя речь идет действительно о музыкантах 50—60-х годов — времени яркого расцвета нашего советского джаза. В сценарии, действие которого происходит в наши дни, есть мотив традиционного сбора, когда встречаются музыканты бывшего студенческого состава. Одни изменили джазу, другие продолжают играть. Но сценарий — про отношения людей не только к музыке, но и к жизни, это, пожалуй, психологическая драма.

Картину, вероятно, будет ставить Динара Асанова, которая еще со времен фильма «Не болит голова у дятла» интересуется джазом и загорелась этой идеей.

Вообще-то это должен быть уже второй фильм по моему сценарию, а первый по мотивам повести «Снюсь» заканчивает снимать на «Ленфильме» Виталий Мельников.

— А что вообще привело вас в кино?

— Сначала, пожалуй, профессиональное любопытство. Это, вероятно, от природы зависит. Люблю писать новое, хотя бы для себя.

— Сегодня на ваши книги в библиотеке запись. Скажите как вы относитесь к своей популярности?

— Если она меня смущает, значит, это пока не очень опасно? Ну а если серьезно, то доверие, подаренное читателями, обязывает чрезвычайным.

С гостем встречалась
Н. НЕКРАСОВА

Фото А. Николаева

ЧТО С НАМИ ПРОИСХОДИТ

Воскресный гость «Смены» —
писатель Александр Житинский

— Читая ваши повести, Александр Николаевич, обращаешь внимание на то, что многие герои похожи своими внутренними проблемами. И Пирошников из «Лестницы», и Верлухин, и Снюсь... Все они от легкого, бесцельного отношения к жизни, от суетных удовольствий, от сосредоточенности на себе и своих переживаниях идут трудным путем к постижению других истин, иных жизненных ценностей...

— Да, все они действительно находятся в поисках своего места в жизни. Я убежден, что проблема эта для любого человека очень важна. Ведь найти свое дело, свою работу (я имею в виду более широкое понятие, чем просто приобретение специальности), обрести настоящую семью, создать, так сказать, совершенное произведение из своей жизни оказывается совсем не просто. Одни, правда, вообще не задумываются над этим, другие всю жизнь ищут себя и не находят, третьи стремятся только к внешнему благополучию — слава, власть, деньги, к тому, что престижно... Кстати, это встречается сегодня не так уж редко. А ведь человеку, нашедшему свое место в жизни, как правило, просто неинтересно тратить душевную энергию и время на стяжательство, накопительство. Он будет работать, то есть отдавать больше, чем приобретать. И в этом находить счастье, истинное счастье, а не мнимое. И многие сегодня это понимают.

Но естественно, что эти поиски своего места в жизни связаны в первую очередь с работой внутренней, с работой души. Потому что каждому человеку нужно выработать свою жизненную философию. И от того, насколько она нравственна, будет зависеть его душевное благополучие. Вот эту проблему я и пытаюсь рассматривать с разных сторон.

— Казалось бы, эти серьезные проблемы требуют от писателя и соответствующих художественных средств. Но откровенно говоря, ваши книги, и что же! как правило, фантастический сюжет с массой всяких странностей, условностей... И все так занимательно, и написано с таким юмором...

— Вообще-то я человек, как мне кажется, серьезный, но другой для себя интонации, кроме как иронической, шуточной, саркастической, не представляю. Убежден, что юмор помогает жить и понять друг друга. Я имею в виду умение прежде всего смеяться над собой. Мне кажется, что хорошая литература без юмора невозможна (это не имеет ни малейшего отношения к юмористике традиционной, литгазетовской). Возьмите книги Конанькова, Искандера, Шукшина... Разве их назовешь писателями — юмористами?! А между тем сколько у них смешных эпизодов, целых глав. И ведь не для того же, чтобы посмеять читателя?

— Вы и дальше в работе над прозой остаетесь верны своим творческим пристрастиям?

— В общем, да, хотя появляются вещи и чисто реалистического характера. Но вот сейчас уже близится к завершению двухлетняя работа над романом — написано более 600 страниц. И снова фантастический сюжет, снова переплелись все жанры прозы — юмористическая, психологическая, сатирическая, лирическая... И главный герой где-то сродни Пирошникову, только уже не 25-летний, а 40-летний человек. Тоже не бесталаный, который опять-таки на многое претендовал, многого ждал от жизни, многого хотел добиться, но где-то увял, растерялся, пошел по легкому пути жизненных удовольствий, компромиссов... Ну и в результате вполне закономерный жизненный крах. Если в «Лестнице» герой приходит к замкнутому кругу, то здесь от главного героя улетает его собственный дом. Была спокойная, устоявшаяся жизнь, и вдруг все разрушено, потеряно все, вплоть до собственной личности. Роман так и называется «Потерянный дом, или Разговоры с милордом».

— С милордом?

— Да, роман частично построен в форме диалогов, бесед, эссе. А постоянный слушатель и собеседник — один из любимых моих писателей, английский прозаик Лоренс Стерн. Умный, ироничный, обладающий удивительной свободой письма и самовыражения, с многочисленными отступлениями научно-философского характера, написанными в пародийно-иронической манере...

Ну а поскольку он жил в XVIII веке, это позволяет мне в разговорах объяснять ему разные вещи, происходившие «за истекший период». Естественно, все это тоже окрашено в пародийно-юмористические тона.

Но, конечно, прежде всего меня всегда интересуют люди и то, «что с нами происходит», как писал Шукшин. Ведь проблема потерянного дома в романе — это не только потеря жилья и семьи, но в расширенном смысле это и потеря своих корней — родовых, исторических...

— ...утрата которых в жизни человека приводит в свою очередь к нравственному дефициту, так ведь? Не отсюда ли берут начало многие негативные явления в нашей жизни? Но как научить понимать, чувствовать этот истинно-объятный круг прошлого и будущего, чтобы возможным стало «ощущать себя в столетиях»?

— Да, тут всем есть над чем подумать, потому что проблема эта важна и тревожна. Особенно для молодежи.

цатилетних слушателей выступление вызвало чувство недоумения, не более, многие просто ушли из зала. И стало страшновато — откуда такое равнодушие к своему родному, к русской песне?

Вообще эта проблема соотношения в человеке внешнего, материального и духовного, нравственного, рок-культуры и национальной культуры меня волнует давно.

— Насколько я понимаю, именно поэтому и появились публицистические «Заметки рок-дилетанта», опубликованные уже в нескольких номерах «Авроры»?

— Вы знаете, первоначальным толчком послужила поездка по заданию журнала к Леониду Осиповичу Утесову. Тогда меня поразило, что человек весьма почтенных лет так живо интересуется популярной молодежной музыкой. Нет, он не отвергал, он пытался понять, докопаться... А потом я попал на ряд дискотек, как раз тогда в Ленинграде проходил первый смотр-конкурс, и, надо сказать, впечатления были достаточно сложными. Ну и собственные дети к тому времени подросли до «дискотечного» возраста. Вот и захотелось понять, что реально, а что эфемерно, захотелось разобраться в при-

классического джаза, ни симфонической музыки. Среди ленинградских самодеятельных ансамблей оказались очень профессиональные коллективы, с точки зрения музыкальной культуры, с интересным репертуаром...

— Кого-нибудь из них можно назвать?

— Это прежде всего «Аква-риум» со своим ярким лидером Борисом Гребенщиковым, «Странные игры», «Мануфактура»... И, что очень важно, каждый имеет свое лицо.

— Наверное, в процессе своего познания этого интересного явления, каким является молодежная популярная музыка, вы потянулись не только к музыкантам, но и к слушателям и посетителям дискотек? Какое же впечатление?

— Не скажу, чтобы очень оградное. Во-первых, общая культура многих, к сожалению, весьма однобокая, кругозор ограничен узкими рамками поп-музыки. Они могут перечислить ансамбли, исполнителей, диски, но когда я пытался завести разговор о хрестоматийных вещах в литературе, кино, театре, симфонической музыке, очень часто оказывалось, что об этом просто не слышали.